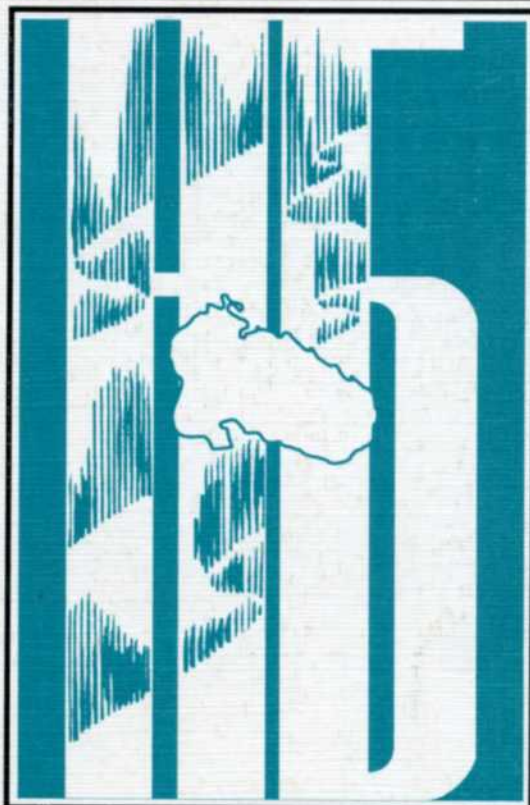

2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

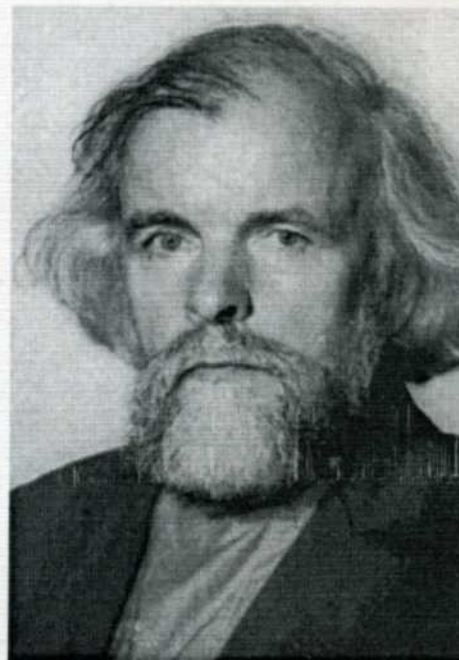
**Д. М. Балашов:
историческая
память**

НАУКА

И

БИЗНЕС

НА МУРМАНЕ

MOVK MANSKOY MORE

- ◁ Верхние фото на стр. 36:
С. А. Есенин, Д. М. Балашов
- ◁ Средний ряд ил.:
Собор святой Софии в Новгороде,
Московский Кремль, Успенский собор
- ◁ Нижняя ил. на стр. 36
«Вечевой колокол увозят в Москву»

«Марфа Посадница» Сергея Есенина и Дмитрия Балашова

В. Е. Кузнецова

Имя Марфы Посадницы связано с далекой русской историей. Это она — вдова посадника Борецкого — воспротивилась насильственному присоединению Великого Новгорода к Московскому государству, бросила вызов самому великому князю московскому Ивану III, предпочтя заточение жизни в лишенном самостоятельности Новгороде.

История показала, что объединительная политика Ивана III была прогрессивной, т. к. шла речь о создании единого русского государства. Но сама идея вольнолюбия, протест против насилия, верность старинным обычаям пришлись по сердцу народу русскому, породили поэтические легенды, исторические повести и романы «о последней гражданке новгородской», как называл ее писатель и историк Н. Карамзин.

В русской литературной традиции, начало которой было положено исторической повестью Н. М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1803), имя героини — женщины сильного характера — окружено романтическим ореолом. По убеждению автора, «вольность и Марфа одно знаменовали в великом граде».

«В мрачные времена Николая I, — отмечает есениновед С. П. Кошечкин, — к теме новгородской вольницы, к образам Вадима — “витязя пламенного в грозных битвах за народ”, Марфы Посадницы обращались Пушкин, Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, Глинка, Одоевский... Новгород, его герои были символом борьбы с крепостничеством, примером высокого патриотизма.

Совершила я свое предназначенье,
Что мило мне, чем в свете я жила,
Детей, свободу и свое имя —
Все родине я в жертву принесла, —

воскликает Марфа в неоконченной “Думе” Рылеева о “гордой защитнице свободы”».

Вспоминается она и в романе Гончарова «Обрыв» — «великая русская Марфа, скованная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая в тюрьме свое величие и могущество скорби по погибшей славе Новгорода, покорная телом, но не духом, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, как будто распорядительницей судеб вольного города» [5].

Романтическое восприятие этой личности лежит и в основе есенинской поэмы «Марфа Посадница» (1914), и в историческом романе Дмитрия Балашова «Марфа Посадница» (1970-е гг.).

«Действие романа охватывает 1470—1478 годы. Все события, вплоть до мельчайших, выверялись не только специальным историческим исследованием, но и по первоисточникам: летописям, грамотам, писцовым книгам, житиям и пр.», — отмечает Дмитрий Михайлович Балашов [1].

В основе же есенинской поэмы — сам факт разгульной новгородской вольницы дан в лице Марфы «скорее как символ вольницы, чем реальное (хотя и романтизированное) лицо» [11].

В поэме «Марфа Посадница» Сергей Есенин продолжает традиционный интерес поэтов-декабристов к новгородской боярской республике. «Но если Радищев и декабристы видели в Новгороде исторические зачатки республиканского строя, то Сергей Есенин наполняет свою поэму пафосом разгульной вольницы» [7].

Возговорит Марфа голосом серебряно:
«Ой ли, внуки Васькины, правнуки Микулы!
Грамотой московскою изволью повелено
Выгмонить вольницы бражные загулы».

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды, как молнии, выпячили грозно:
«Что нам Московия, — как поставник блинный!
Там бояр-то жены хлыстают загозно!»

В есенинской подаче былина и сказка, реальность и фантастика, старинные и диалектные слова — все это, слившись, придавало произведению колорит народного сказания. Так, Марфа не просто вышла из дома, а «на крыльцо правую ножку кинула, а левой — помахала каблучком сафьяновым...» И речь ее — «возговорит... голосом серебряно». Как в былинах о легендарном новгородском богатыре: «И возговорит Василий Буславьевич...».

Со слов В. А. Мануйлова известна характеристика «Марфы Посадницы» Есениным (август 1921 г.): «Я эту вещь чуть ли не с 16 лет задумал, а написал в первые месяцы после войны. Теперь так бы не написал, другой стал. Хоть и раннее сочинение, а мне дорого...» [8].

Есенин отдал поэму для публикации в горьковский журнал «Летопись», о чем сохранилось свидетельство самого Горького. 24 февраля 1916 года он писал И. А. Бунину: «... Вчера цензор зарезал длинное и недурное стихотворение Есенина “Марфа Посадница”, — назначенное (для журнала “Летопись”) в февраль» [9].

В мемуарном очерке «Нездешний вечер» М. И. Цветаева так описывает свое впечатление от авторского исполнения поэмы (вероятно, в 1916 г.): «Есенин читает “Марфу Посадницу”, принятую Горьким в “Летопись” и запрещенную цензурой. Помню сизые тучи голубей и черную — народного гнева:

Как московский государь — на кровавой гульбе —
Продал душу свою — антихристу...

Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим, это Milchgesicht, это оперное “Отоприте! Отоприте!” — ЭТОТ — ЭТО написал? — почувствовал? (с Есениным я никогда не переставала этому дивиться)» [7].

Иванов-Разумник дал одну из первых оценок в печати этой поэмы: «На войну он (Сергей Есенин) отошелся “Марфой Посадницей” — первой революционной поэмой о внутренней силе народной, написанной еще в те дни (сентября 1914 года), когда почти все наши большие поэты (...) восторженно воспедали внешнюю силу государственную» [8].

А. К. Воронский в 1924 году отметил: «Кротость, смирение, примиренность с жизнью, непротивленство (...) уживаются одновременно с бунтарством, со скандальничеством и прямой поножовщиной... (...) Все, что шло у Есенина отсюда, побуждало его писать в противовес елейным акафистам. В юношеской поэме “Марфа Посадница” Есенин призывает вспомнить завет Марфы “заглушить удалью московский шум”, заставить царя дать ответ, разбудить Садко с Буслаем, чтобы с веча вновь загудел колокол» [9].

Новгородской вольнице противопоставлен московский царизм. И эта борьба в поэме Есенина представлена как противоборство дьявола с Богом. Бог на стороне Марфы, а дьявол — Ивана III.

Вылез из запечья сатана гадукой
В пучеглазых бельмах исчадьде ада:
«Побойся душу выдать мне поруккой,
Иначе не будет с Новгородом слада!»

Оказывается, московский царь не в состоянии задушить новгородскую свободу без помощи дьявола. А Марфа, прежде чем решиться отвергнуть посягательство Московии, обращается к вече, заручается поддержкой новгородцев. На ее стороне ангелы и Господь Бог.

Царь вступил в сговор с Сатаной, Марфа же, в отличие от царя, связана с Господом. Она посылает к нему голубей за советом, как поступить в неминуемой схватке, и получает от Бога неутешительный ответ:

Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою антихристу...

Виельзевул в обмен на душу царя обещает помочь ему победить непокорных. При этом добавляет:

А и сроку тебе, царь, даю четыреста лет!
Как пойдет на Москву заморский Иуда,
Тут тебе с Новгородом и сладу нет!

От этого пророчества Сатаны автор перекидывает мостик к современности, когда срок, данный царю, минул и — надо понимать — на Москву двинулся «заморский Иуда» в образе кайзеровской Германии. Поэт-сказитель не скрывает своей неприязни к царю. Дух былой вольности оживает в словах, обращенных к старинной реке и славному городу:

М. И. Цветаева

Иванов-Разумник
(Разумник Васильевич
Иванов)

Ты шуми, певунный Волохов, шуми.
Разбуди Садко с Буслаем — на торгаш!
Выше, выше, вихорь, тучи подыми!
Ой ты, Новгород, родимый наш!

По мнению Станислава Десяткова, «симпатии Д. М. Балашова в историческом романе “Марфа Посадница” во многом на стороне республики и Марфы Борецкой. Но и Иван III не явлен в романе неким зверем. Нет, он государь, у которого своя идея — объединить русские земли и снять с Руси последние оковы татарского ига. Иван III не сжег и не разграбил Новгород, только изгнал из него непокорных бояр» [10].

Поэма Сергея Есенина о Марфе Посаднице — это эмоциональный гимн вольности, духа вольнолюбия народа русского.

Роман Дм. Балашова — это философское осмысление развития исторического процесса. Это осмыслен-

ние основано на тщательном изучении архивных и летописных документов. «Автор совершенно прав, увидев главную причину падения Новгорода не в силе московского царя, а в естественном саморазложении Новгорода, историческая роль которого уже была сыграна», — нельзя не согласиться с выводом Анатолия Ланцикова, как и с тем, что «как ни ярки образы Марфы Борецкой и ее ближайших сподвижников, как ни значительна их роль, движущей силой истории является народ — всем своим произведением говорит Дмитрий Балашов» [11].

И если Сергей Есенин писал высоко эмоционально, в духе былинной легенды о Марфе Посаднице, в чем-то фантазируя, то Дмитрий Балашов отталкивался от факта, документа, знания, почти точного знания, писал, как летописцы в давние дни истории. Это в исторической литературе наших дней новаторский подход к историческому роману. Если Валентин Пиккуль в своих исторических романах вымысел, фантазию использовал наравне с документом, фактом, то Дмитрий Михайлович Балашов основывался на факте, истине, документе истории.

Но и Сергей Есенин, и Дмитрий Балашов верят в силу народа русского, воспевают подвиг духа вольности и свободолюбия народа, выступают как истинные патриоты России, напоминают потомкам об уроках истории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Балашов Дмитрий. Марфа Посадница. — Петрозаводск, 1986. — С. 450.
2. Воронский. Литературные силуэты. Сергей Есенин. Красная новь, 1924. — № 1. — янв.-февр. — С. 275.
3. Десятков Станислав. Великий Новгород в исторических романах современных новгородских писателей: Сб. Певец истории народной // Мат-лы вторых Всероссийских Балашовских чтений. — Великий Новгород. — 5—7, 16 ноября 2002. — С. 92.
4. Иванов-Разумник. Поэты и революция. Скифы: Сборник 2-й. — СПб, 1918. — С. 2.
5. Кошечкин С. Весенней гулкой ранью... Этюды-раздумья о Сергее Есенине. — М., 1984. — С. 46—48.
6. Ланциков Анатолий. Чувство пути. — М., 1983. — С. 33.
7. Прокофьев Н. О художественном историзме поэзии С. А. Есенина: Сб. Сергей Есенин. Проблемы творчества. — М., 1985. — Вып. 2. — С. 66.
8. С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 166.
9. Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. — М., 1995. — С. 309.
10. Современные записки. — Париж, 1936. — Кн. LXI. — С. 179.
11. Шубникова-Гусева Н. И. Комментарий // В кн: Есенин С. А. Русская боль. Стихотворения. Поэмы. Проза. Современники о Есенине. — М., 1995. — С. 586.